

«мы с Ростроповичем были готовы к тухлым помидорам»

Александр Кнайфель — Газете

Сегодня в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии состоится российская премьера «Блаженств» Александра Кнайфеля. Это сочинение для хора, оркестра, виолончели и фортепиано посвящено Ростроповичу и было впервые исполнено им в 1996 году в Берлине. Накануне концерта с Александром Кнайфелем беседовала Гюляра Садых-заде.

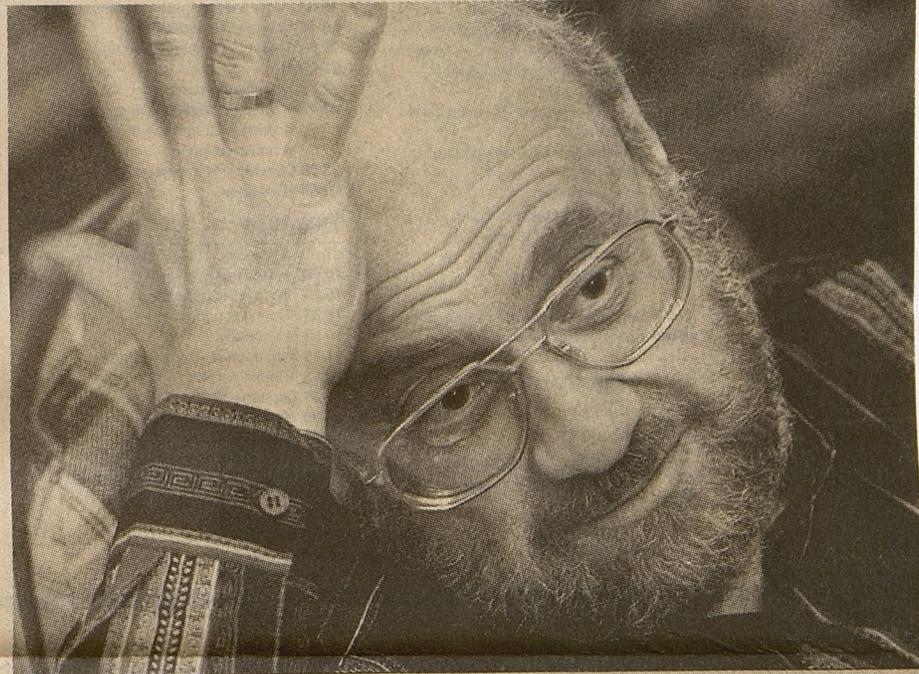
Отчего три ваших крупных сочинения последних лет посвящены Ростроповичу?
XX век непредставим без его фигуры. Был у меня друг, кинорежиссер Семен Аранович. Перед самой его кончиной я сказал ему: «Представляешь, какой сериал мог бы получиться из жизни Ростроповича? Хватило бы на тысячу серий!» До того вся жизнь Славы наполнена разнообразными сюжетами, коллизиями... Я написал «Блаженства» для Славы как музыкальное посвящение к его семидесятилетию. Российскую премьеру делает Иван Монигетти — один из лучших его учеников и преемников.
А сейчас мы с Ваней задумали проект, который мне кажется актуальным и достойным. Хотим сделать мировое турне по столицам с символическим музыкальным посланием патриарха — к Ватикану, к Папе Римскому. Послание любви и мира; я говорю о «Восьмой главе» на тексты Песни Песней.

Что за сочинение «Восьмая глава», и почему она может служить посланием любви?
Предыстория ее возникновения очень романтична. Я учился у Ростроповича, потом мы не виделись целых тридцать пять лет. Мы оставались нежнейшими друзьями, просто его выгнали из страны в 1974 году, и поддерживать отношения оказалось невозможным. В какой-то момент у меня без всякого внешнего побуждения возникло желание сочинить ему любовное письмо. Причем именно как виолончелисту: я до сих пор считаю его величайшим виолончелистом прошедшего века. Когда я написал для виолончели соло «Пятидесятый Псалом», он сыграл его потрясающе. И вот на волне любви и почитания я мысленно обратился к нему посредством своего сочинения. А он этого не знал. И вот в середине моей работы он вдруг позвонил: «Я тайно в Петербурге, никто не знает, я хочу немедленно тебя увидеть». Он приходит к нам, а у меня на столе лежит эта партитура. Ну как это объяснить? Мы бросились к ней: он был изумлен до онемения. И потом нашел возможность исполнить «Восьмую главу» в Вашингтоне.

А что ему было искать? Он столько лет руководил Вашингтонским симфоническим...
Это — особая история. Он ведь к тому времени уже ушел из Вашингтонского, проработав в оркестре семнадцать лет, подняв его на невероятную высоту.
Его провожали шумно, с чествованиями; устроили в его честь целый фестиваль, назвали «Слава» — Gloria. Проходит год, и он возвращается туда. Не главным дирижером, не триумфатором; да еще и с тихой музыкой, длящейся более часа, которую предстоит исполнить в вашингтонском Национальном соборе, вмещающем шесть тысяч человек! Представляете, сидеть посреди храма с виолончелью и играть тихую музыку?
К собору шла нескончаемая людская лента, как в былые времена на Красную площадь, к мавзолею. Я подумал: «Боже, они не знают, на что идут! Будет тихая однообразная музыка; муха пролетит — и то будет слышно». И Ростропович мне сказал, что готов даже к тухлым помидорам. А мы-то знали, что в гулком соборе, если хоть один каблучок стукнет во время исполнения — катастрофа! Фирма Teldec потом выпустила live-запись. Я послушал: такое впечатление, что в зале не то что шесть тысяч, а вообще никого.

Вас потом принял Альберт Гор, тогдашний вице-президент.
О, это было очень интересно. Нас пригласили в Белый дом. Были Таня, моя жена, Катя, моя переводчица и хозяйка дома, у которой мы остановились. Мне говорят: «Вы должны сказать вице-президенту два слова по-английски». А я ни одного даже слова не знаю. Они — мне: «Нет, вы должны». Я сказал: пишите мне срочно русскими буквами, что я должен сказать. Она пишет: «Хау ду ю ду, мистер вайс-президент?» — эта фраза до сих пор сохранилась в моем воспаленном мозгу. Нас приглашают. Я от страха не вижу ничего, всю фразу ему залпом и выдал. Гор просиял! И дальше все пошло как по маслу.

Почему последние 10—12 лет все премьеры ваших крупных сочинений проходят на Западе, а не в России?

Александр Кнайфель: «Я не Моцарт. И не претендую. Но о жизни кое-что знаю»
Фотограф: Никита Инфантьев/Газета

Не знаю. Провидение так распорядилось, наверное. Жизнь всегда сводила и сводит меня с чудесными музыкантами и людьми. В Голландии мое сочинение исполнил на фестивале великий Франц Брюгген: это было незабываемо.
На Западе люди так устроены, что трудности их только вдохновляют. Вот, например, взять мою оперу, «Алиса в Стране чудес». Когда голландцы готовили постановку, я еще не вполне закончил партитуру. А они уже занимались сценографией, начинали репетировать, потому что премьера стояла в планах театра. Я им и говорю: «Мы имеем дело с Кэрроллом. Сначала поставьте спектакль, а потом я закончу». Типичная кэрролловская логика.
Королевская опера в Амстердаме — самый продвинутый театр на свете. В коридорах театра висят афиши, фотографии со спектаклей. Нет в мире оперы, чтобы она когда-то не была поставлена там. Удивительно открытый театр, распахнут навстречу всему новому. Вообще, Амстердам — мой самый любимый город; конечно, после Петербурга. Я даже написал панегирик Амстердаму. И его напечатали на первой странице буклета к «Алисе».

Кстати, о возвращении в детство. Меня пригласили в музыкальный салон, в вашу бывшую квартиру на Рубинштейна, где вы росли.
Так бывает только в сказках. Я появился на пороге своего бывшего дома года четыре назад. Звоню в дверь; появляется хозяин, ливанец. Смотрит на меня и говорит: «Это твой дом». Не спрашивает, а утверждает. Это было слово. А потом последовало дело. Ведь когда были живы мои родители, наш дом был открыт для гостей. Не было такого человека из числа музыкантов в городе, который бы не побывал тут. И я сказал хозяину, что мечтаю возродить прежнюю жизнь в этом доме. Надо отдать должное хозяину: он мгновенно все понял. Сэмми — крупный бизнесмен. Не любит Москву, но любит Питер. Он сумел восстановить всю лепку и весь прежний облик этой квартиры до последнего шпингалета. Семь лет реставрировали. И когда я ощутил под руками знакомую гипсовую головку у камина, медную ручку двери — все, что помнил с детства, у меня, видимо, появилось такое выражение лица, что он сказал: «Видю, что не зря возился с этим столько времени». Как видите, пересечения судеб, людей — светлые, счастливые — происходят всюду, постоянно.
Я не Моцарт. И не претендую. Но о жизни кое-что знаю. И я узнал драгоценность пустяка. Вот такая, вроде бы скромная, позиция. Не агрессивная, не хамская. И нету в ней этих вот авторитетов, на которые ориентируются многие. Этим ложных ориентиров, когда все каналы перекрываются, и все уже устаканилось. А я-то где, в этом порядке? Посмотришь — некуда и сунуться. А на самом деле вроде бы фуфловая, пустяшная вещь — но в ней есть драгоценность правды.

газета минималист из Питера

Петербуржец Александр Кнайфель родился в 1943 году. Учился в Москве у Мстислава Ростроповича, затем в Ленинграде. Автор свыше семидесяти композиций. Написал музыку к более чем сорока кинофильмам. Первым из российских музыкантов был удостоен международной премии DAAD. В конце семидесятых годов был причислен к диссидентам, упоминался в обличительных докладах Тихона Хренникова на съездах композиторов СССР, наряду с Альфредом Шнитке, Софией Губайдулиной, Эдисоном Денисовым.

Минималист Александр Кнайфель

7.03.04